

Босиком по асфальту

Чем грозит расставание с землей
и что полезно знать о крестьянстве

Говорят, что наши желания — судьбы над нами. Прогресс науки и техники исполняет самые смелые замыслы, но нет более слабого, незащищенного человека, чем человек прогресса. «С ростом нашей власти над природой растет наше отчаяние», — замечает современный мыслитель Теодор Роззак. Специфический состав пищи и воздуха, специфические занятия, специфический досуг, искусственное, за счет освещения, удлинение светового дня, обилие кнопок и алгоритмов, используемых в работе механических и электронных устройств, воздействие электромагнитных полей, виртуальной реальности производят в нас многообразные и плохо осознаваемые изменения. Мегалполис «приручает» своих обитателей, действует как своего рода биологический реактор. Ученые говорят о внутривидовых мутациях Homo sapiens, последствия которых окажутся далеко идущими и драматичными. За потерей связи с природным миром следующий шаг — расчеловечивание.

Через пять или десять лет будут ли нас интересовать история, родословная, тронут ли картины природы, детей, сюжеты из наследия мировой культуры? Сохранится ли у нас связь с вышним, с Небом, или выход из рукотворной, синтетической «матрицы» будет закрыт? Не потеряет ли человечество самое себя?

Длительное время жизнь людей на земле казалась незамысловато-обыденной в сравнении с кипучей жизнью городов, политическими событиями, успехами науки и технологий. По мере нарастания кризиса образ человека прошлого, человека земли привлекает внимание вновь, и в нем ищут альтернативу и шанс. Исследуя жизнь крестьянства, этого «великого незнакомца», желают увидеть подсказку, надежду на возвращение к земле и обретение почвы под ногами.

Катастрофа

Обезземеливание — сложный процесс, одна из примет Нового времени. Не только в России XX века, но почти повсеместно история крестьянства трагична. Массовое изъятие земель у крестьян началось еще в XV–XVII веках в Англии, в период «огораживаний». Толпы согнанных с мест скитальцев, «пауперов» (от лат. pauper — бедный, нищий), наполнили города. Томас Мор восклицает в «Утопии»: «Овцы стали пожирать людей», — наделы бедноты передавались под пастбища. История отечественного крестьянства в советский период дает пример самой масштабной трагедии. России — аграрной стране, в которой 85 % населения накануне 1917 г. составляли крестьяне, суждено было пройти через страшную чистку, организованную по сословному принципу.

Об упадке села сожалеют и сентиментально вздыхают над картинами патриархального времени, считая при этом закат крестьянства закономерным. Такова логика прогресса! Урбанизированная жизнь кажется более совершенной фазой развития. В крупных центрах сосредоточены культура, наука и образование; системы централизованного жизнеобеспечения делают быт горожанина комфортным; занятость проще обеспечить здесь.

Село находится под влиянием города и подражает городу, формируя его уменьшенную, ухудшенную копию. На глазах гаснут, перерождаются традиционные крестьянские опытные подходы и мировоззрение. Новые сельские жилища архитектурой и внутренним устройством больше напоминают коттеджи, недостаток городских развлечений компенсирует обильный просмотр телевизора. Рабочие бригады стекаются в мегаполисы, и, как следствие, всё меньшая доля сельских жителей занята в аграрном секторе, ведет приусадебное хозяйство. Деревня перестает быть консервативной, она психологически подавлена. Раскрестьянивание заходит всё дальше. Как приговор звучат итоги переписи населения России 2010 г., согласно которым сельское население сокращается в 3 раза быстрее, чем городское. За постперестроечные годы в России исчезло более 35 тысяч деревень. С 1990 по 2001 гг. закрылось 3 400 сельских школ; с 2001 по 2010 гг. прекратили существование еще 9 тысяч школ на селе.

В этом нет ничего удивительного — прогресс не ориентирован на человека и на сохранение того, к чему мы привязаны и чем дорожим. Его цель — прибыль, ради которой в жертву приносятся природа и сам человек, воспринимаемый не как уникальное творение Божие и сын земли, а лишь как ресурс наряду с любым другим ресурсом в руках коммерсанта.

Убеждение в мнимой благотворности прогресса представляет одно из главных препятствий к возвращению на землю. Теодор Шанин, профессор Манчестерского университета, один из основателей крестьяноведения: «Идея прогресса — одна из самых ярких научных мистификаций двух последних столетий. Англичане часто повторяют, что красота — в глазах смотрящего (beauty lies in the eyes of the beholder). Идея Прогресса ослепляет очевидцев, делая их нечувствительными к свидетельствам, которые не укладываются в рамки, установленные прогрессистами. И это Прогресс способен оправдать подавление людей во имя абсолютной идеи (и, разумеется, ради их собственной пользы). Сегодня супермодель Прогресса все больше подвергается критике, но его влияние сильно. В особенности это происходит из-за того, что я назвал бы „принципом пальца Мидаса“. Этот древний царь был наказан богами за жадность — все, к чему он прикасался, превращалось в золото. Он умер от голода».

Дитя природного мира

Длительное время следуя логике прогресса, той, которую Макс Вебер назвал «расколдовыванием мира», общество пришло к рациональному пониманию природной среды как суммы конечного числа геологических, физиологических, климатических и других элементов. В условиях города естественная среда существует в виде отдельных включений, укрощена и взнуздана массивами строений, коммуникациями, асфальтом, средст-

Hordeum vulgare

Прогресс не ориентирован на человека и на сохранение того, к чему мы привязаны и чем дорожим. Его цель — прибыль.

вами передвижения, искусственным освещением, климат-контролем. Однако исходно, исторически человек ощущал себя совершенно иначе, отличным образом.

Многообразная и многослойная, скрытая от глаз, пульсирующая соками органическая жизнь образовывала постоянный фон его существования. Земля — не аллегорически, а буквально — была и остается естественным лоном и матерью для человечества. Утверждение: «земля кормит», на первый взгляд, выглядит банальностью. А между тем, существованием и «подзарядкой» внутренних сил человек обязан земле и соединенному с ней росту растений. Плоды земледелия входят в животноводческие процессы, деревья обеспечивают людей материалом для постройки жилищ и теплом. Земля является отправной точкой существованию, и к ней человек принимает за удовлетворением фундаментальных чувств самосохранения и безопасности.

Неудивительно, если ощущения и мысли «человека на земле» будут бесконечно далеки от самоощущения технократов, жаждущего подчинить, оттиражировать, втиснуть в рамки

расписания, экономического расчета и плана окружающей действительности. *Человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе,* — говорит Евангелие от Марка (4:26–27). Взаимодействие с землей и посевом проникновенно и трепетно, почти как взаимоотношение с ребенком или возлюбленной. В контактах с природой человек земли использует весь спектр познания, включая интуицию; он созерцает, вступает в одушевляемые силой внутреннего умопредставления диалоги с животными и растениями. Помните старика-солдата Георгия Махарашвили из знаменитой ленты «Отец солдата»? Как разговаривает он с лозой и любовно гладит ее, встреченную случайно на фронтовых дорогах!..

Дни от ночей, а сезоны года друг от друга отделялись гаммами непохожих состояний. Здесь именно что — мистерия и святилище, а не мастерская (вспомним эту базаровскую формулу из «Отцов и детей», в советское время сделавшуюся лозунгом: «Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник»). Во взаимодействии с живым миром, постоянно изменчивыми стихиями человек творит свой мир — малый космос усадьбы, двора, поселения, — в то же время являясь частью и сыном большого космоса.

Столь высоко ценяемая сегодня «интерактивность» в преизбытке представлена в крестьянском быту. Известный антрополог Джеймс Скотт говорит о двунаправленности крестьянской жизни — человек разводит животных и культивирует отдельные виды растений, но при этом есть и обратное воздействие на человека в «служении интересам томата» и «взаимном приручении» с коровами и козами. «В свою очередь и мы подверглись не меньшему влиянию домашних животных и растений. В некотором смысле мы стали их слугами: они зависят от нас так же, как и мы от них», — заключает исследователь.

Прогресс входит на село благими побуждениями: крестьян хотят обучить приемам агрономии, использованию машин, устроить образование и медицину на селе, оказать помощь кредитом. Однако «аграрный модерн» оборачивается хищничеством. Современные сельскохозяйственные модели ориентированы прочь от естественности. Птица и скот на крупных фермах не видят солнечного света, открытых пространств, зеленой травы, не чувствуют дуновения ветра. Корма гранулированы и сдобрены большим числом пищевых и фармацевтических добавок, основные процессы — кормление, поение, навозоудаление, мойка — автоматизированы и требуют минимального участия человека. Сходно с этим тепличное хозяйство с его искусственным климатом и гидропоникой сохраняет единственным живым экспонатом, представителем

естественного мира в интерьере чужой «космической станции» — огуречную плеть, куст сладкого перца и помидора, поросль укропа или петрушки.

На огромных пространствах степей перед посадкой геном модифицированных пшеницы и кукурузы почву обильно вытравливают пестицидами и гербицидами, формируя, по сути, лунный пейзаж. Любое случайное отклонение от видового единообразия уничтожается. Мощная техника управляется без участия человека, посредством компьютера и координат GPS, и выполняет обезличенные, предписанные технологической картой операции.

Человек по-прежнему сажает растения и разводит животных, опираясь на органический рост и синтез, но, похоже, только из-за того, что до конца не освоил процесса их получения на конвейере. Сумей индустрия выработать необходимые белки, жиры, крахмалы и протеины и притом сделать это массово и в экономически выгодной рамке, современность с облегчением отбросила бы из так называемых агротехнологий остатки «природосообразности» — последние связи со эволюцией и малопредсказуемой живой материей, воспоминания о некогда широком и разностороннем союзе человека с природой.

Жизнь крестьянина, человека земли, была симбиозом-балансом, в котором стороны не подавляли и не выдвигали ультиматумов друг другу. Человек, следуя заповеди Божией *в поте лица добывать хлеб* (Быт 3:19), терпеливо и любовно окультуривал, «возделывал» неупорядоченную, дикую естественную среду, а природа смягчала свой нрав и воздавала ему за эту заботу встречной взаимностью. Как не хватает этого приятия и взаимопроникновения нам, оторванным от мироздания!

Семья

Жизнь человека на земле дает пример и другого уникального сочетания — производительных отношений с частными. Существование современных семей расколото, поделено на «дом» и «работу», «дела» и «досуг», на мир взрослых и мир детей. Нет ничего неожиданного, что дом, разделившийся сам в себе, переживает череду бедствий. В отрыве от мира естественных условий семья ощущает себя на зыбкой почве.

О крестьянских сообществах, говоря языком, доступным для современного человека, можно сказать, что они являлись сетью семейных предприятий. Артели и фирмы, где работали глава семьи и его домочадцы, имели когда-то широкое распространение, причем не только в сельскохозяйственной отрасли. Об этом напоминают широко известные марки, названные когда-то по именам основателей: Nestle, Lacoste, Cartier, Steinway, Lipton, Kerstner, Gucci, Cadbury, Peugeot, Philips, Siemens, Hilton и другие. Столетие назад контора или мастерская с прибавлением в названии «...& sons» (и сыновья) была обычным явлением, лучшие производители и торговцы подчеркивали свою династическую преемственность. Тем более на земле крестьянское земледельческое хозяйство легко рассмотреть как логическое продолжение приусадебного подворья, а подворье — пространства дома земледельца, то есть, по сути, как продолжение его интимного семейного пространства.

Труд в целях обеспечения пропитания самоочевиден. В устной культурной традиции о нем говорят многочисленные трюизмы, начиная со строгого: «Хлеб — всему голова», — и до иронического: «Что потопашешь, то и полопашешь». Ценность и правота такого труда познаются с раннего возраста. Как и в домашнем быту, свои характерные задачи и поручения найдутся каждому: и шестилетней дочери, пособляющей матери в кухонной стряпне, и старому деду, редко слезающему с печи, но способному помочь, к примеру, в починке косы или рыболовной снасти.

Невзирая на тесноту, деревенская семья предпочитала держаться вместе в трех-четыре поколениях, ибо от соотношения числа «едоков» и «работников» зависела ее производительная сила, а «штат» земледельческого предприятия оптимален в том случае, когда в нем насчитывается одновременно несколько пар крепких мужских и женских рук для выполнения неотложной работы. Рождение большого числа детей обеспечивало крестьянское хозяйство работниками. Тот же дух солидарности исключал необходимость в посторонней опеке над семьей: не могло идти речи о том, чтобы отдавать в учреждения социального призрения своих сирот, калек, больных и престарелых.

«Семейность» придавала работе на земле неформальный характер. Добрая хозяйка всегда устраивает дела не по какой-нибудь разрядке, но более душой за благополучие дома и близких. Она прихорашивает свое жилище, ежедневно и ежечасно, по разным поводам прикладывая массу непредусмотренных усилий, осуществляя множество инициатив и возникающих вдруг попутно догадок и «рацпредложений». Похожим образом и крестьянский двор предоставлял хозяевам обширное поле для проявления хозяйственной сметки и извлечения пользы из мелочей, для внесения метких штрихов в распорядок работ на протяжении аграрного года.

В новых условиях семья городских обитателей теряет нить общей жизни, основные события происходят вне дома и застигают членов ее порознь. Столь необходимый дух деловой солидарности к нашему времени почти утрачен. Неудивительно, ведь материя семейного микросоциума плохо сочетается с заповедями рынка и конкуренции, а профессиональные роли слабо прочитываются в домашнем кругу. Нужны немалые силы с терпением, чтобы преодолеть отчуждение и не разбредиться по разным углам городской квартиры.

Община

А. С. Хомяков однажды сказал, что «русский человек, порознь взятый, в рай не попадет, а целой деревни нельзя не пустить». В такой, несколько парадоксальной форме указывалось на роль общинности как регулятора, нравственного и практического, поведения крестьян.

Общинные начала естественно зарождаются в группе людей, связанных общим местом проживания, общими заботами и интересами. Город — смешение родов и сословий, и в городе соседство не представляется принципиально

существенным. Крестьянин, напротив, прикреплён к земле и к соседям, к ближайшей округе: деревне, селу, хутору. Поддержание дорог, содержание церквей, строительство мостов и запруд, осушение одних мест и обводнение других не могли осуществляться силами отдельного человека или двора; этим ведала община. Для того чтобы пережить продолжительные суровые зимы, в периоды неурожая и недородов, при поветриях и после пожаров односельчане по необходимости должны были действовать сообща, чтобы посредством тесных уз взаимопомощи выжить и восстановиться от потерь. Таким образом, жизнь крестьянского мира приобретала характерные подходы к «общественности», не похожие на те, к которым мы привыкли и которые используем в современном большом социуме.

Община ориентирована на слабейших и добровольно предоставляет им лучшие условия. Семья с большим числом едоков, испытывающие какую-либо нужду, при нарезке наделов получали лучшие земельные участки; община вскладчину покрывала убыток погорельцев и строила им дом. По сути, перед нами — простейший крестьянский механизм страхования от несчастных случаев и происшествий.

Во взаимодействии с живым миром, постоянно изменчивыми стихиями человек творит свой мир — малый космос усадьбы, двора, поселения, — в то же время являясь частью и сыном большого космоса.

Rosa majalis

Rosa majalis

Не индивид и не отдельное хозяйство, но община крестьян являлась полноценным субъектом, обеспечивавшим выживание, воспроизводство и колонизацию обширных пространств. Разделить поровну (принцип распределительной справедливости), жить «как все» (коллективистская доминанта взамен стремления к личному успеху), — происхождение этих свойств русского национального характера без труда прослеживается исторически, в условиях жизни аграрных сообществ прошлого.

На протяжении XX века сначала капиталистический, а после социалистический проект атаковали

общинность. От старого мира остались воспоминания, тогда как новых объединяющих оснований не было создано. Наше поведение атомизировано, общество разделено перегородками, раздирается партиями, испытывает дефицит взаимопонимания и взаимопомощи. Таков мир искусственных форм, отрешенный от объединяющей силы земли.

Необходимо-достаточное

В значительной степени драма современного человека — следствие его неудовлетворенных желаний. Массовая культура и СМИ приучили нас к неуклонному росту благосостояния, к идее расширения круга материальных возможностей. Жизнь на широкую ногу и привычка расходовать в долг сегодня приводят мир к тупику, мы вынуждены искать более экономные решения и способы обрести внутреннее удовлетворение, не зависящее от денежных знаков.

Полтора столетия назад Афанасий Фет, который был не только хорошим поэтом, но также деловитым и успешным помещиком, в мемуарах на сельские темы сделал интересные замечания. «В исправном крестьянском хозяйстве, — писал он, — всех предметов как раз столько, сколько необходимо для поддержки хозяйства; ни более, ни менее. При меньшем их количестве пришлось бы нуждаться, а при большем одному хозяину-труженику за ними не усмотреть... Еще менее можно равняться с крестьянином в искусстве уменьшать круг потребностей. Предметы, соблазняющие вас на каждом шагу, ему для личного употребления даром не нужны».

Как человек земли, постоянных и твердых жизненных оснований, крестьянин не мог по-настоящему воспринять коммерческую логику и гнаться за барышом. Он привык действовать так, как должно, излишки же добытой продукции вез на рынок и продавал чаще по низкой цене откупщикам, чувствуя при этом некую неловкость и чуждость в мире денег. Никогда до столыпинской реформы начала XX в. крестьяне не имели земли у себя в частной собственности. Привычка принимать землю за «общую» представляла идею купли-продажи земли в виде кощунства: «Земля — наша мать. Можно ли продавать свою мать?»

На коренную несовместимость мировоззрения человека земли с рынком указывали многие, например, священник Сергей Булгаков: «Между капиталистической и крестьянской организациями существует целая пропасть: чтобы понять характер крестьянского производства, самое лучшее — забыть обо всем, что мы знаем о капиталистическом производстве».

Русский аграрный мир сформулировал свою оригинальную философию хозяйствования: достигать свободы и равновесного самоощущения в ограничении материальных запросов. Александр Чаянов, теоретик-аграрий, отмечал момент, в котором крестьянином достигался баланс необходимо-достаточного и «следующий рубль по своей предельной полезности оценивался ниже, чем тягостность его добывания». Это есть то, что учёные назовут «культурой бедности» (Оскар Льюис) или «моральной экономикой» (Джеймс Скотт).

Сегодня многие скажут, что подобный минимализм смешон, что времена изменились и поучения

«не имей сто рублей, а имей сто друзей», «копейка рубль бережет» — устарели. Неспособность извлекать прибыль на любом месте, использовать землю как предмет купли-продажи расценят как отсталость. Но именно бесконечная погоня за прибылью, неумеренные запросы и расточительство толкают человечество к кризису небывалых масштабов. Есть свой реализм и своя вневременная правда в довольствовании необходимо-достаточным, в осознанном выборе в пользу «культуры бедности» и освобождении из рабства вещам.

Общественный резерв

На протяжении нескольких столетий общественное развитие черпало силы от деревни. Ученые и политики в теориях определяли направление движения к будущему, архитекторы и инженеры чертили планы гигантскихстроек, культура и искусство запечатлевали образы новой жизни, но непосредственной производительной энергией, запасом жизнестойкости и положительного мироощущения прогресс несомненно обязан веками сложившемуся типу «человека земли», крестьянскому обществу, из которого вышли непосредственные строители и исполнители предначертаний.

Неправы те, кто рисует крестьян в виде серой, косной, нерассуждающей массы. Еще в 1828 г. шеф жандармов барон Бенкендорф отмечал, что среди крепостных крестьян «гораздо больше рассуждающих голов, чем это можно было бы предположить с первого взгляда». Весь XIX век русская культура совершила открытие народного образа, особенной его стати и цельности. В XX веке данную линию продолжили поэтика С. Есенина, проза М. Шолохова, произведения писателей-деревенщиков.

Здесь именно — инобытие: своеобразное, в чем-то странное и парадоксальное с точки зрения образованного круга, но не лишенное гармоничности, положительности достоинств и внутреннего смысла.

Крестьянин — не дачник, который по-своему повторяет крестьянские действия: ведет огород, держит мелкую скотинку, идет по ягоды и грибы, внутренне всегда оставаясь «экстерриториальным» и имея городской доход и жилище. Крестьянин всецело принадлежит своему месту, предан ему. Вот почему кампания советских властей 1960—1970-х годов по переселению «неперспективных» мелких деревень на центральные усадьбы ударила по крестьянству, быть может, больше, чем продразверстка 1920-х и раскулачивание 1930-х. Крестьянин был деморализован, а его чувства к земле с корнем выдраны изнутри. Отток сельского населения в города резко усилился. Картина покосившихся, заколоченных отцовских изб, улиц родной деревни, поросших бурьяном, вошла в память незаживающей раной, горьким сиротством.

В естественном своем состоянии крестьянин стеснен тяжелым трудом и обстоятельствами, но не растерян и не подавлен морально. Кажется, нет ничего более чуждого внутреннему самоощущению человека земли, чем состояние скуки, разочарования в жизни, депрессии и мизантропии. Между тем, такова самая распространенная «хандра» современного городского жителя. Исследователи обращают внимание на повторение у нынешних горожан

синдрома лишних людей, известного из дворянской литературы XIX в. — «внутренней глухоты и пресыщения, отвращения к любой требующей усиленной работе, тоски изгойской неприкаянности» (А. Панарин). Истоки «вторичной дезадаптации» лежат в отлучении от первичной, природной реальности с погружением в мир произвола и искусственных, вымышленных схем.

Неправильно изображать крестьянина романтическим и наивным альтруистом. Суждения по поводу сельской жизни зачастую сбиваются на идиллию, на пастораль, в которой пастухи и пастушки наделены чувствами, манерами и языком просвещенных сословий. Нет, крестьянский быт груб, крестьянское поведение рационально и предельно практично относительно тех ситуаций, с которыми имеет дело сельский житель в большинстве случаев. Аграрный народный уклад старательно взвешен, оптимизирован с позиции прилагаемых усилий и получаемых выгод.

Разница в том, что человек земли имеет дело с порядком вещей, более фундаментальным и постоянным. Он аполитичен, но не из-за недостаточного развития интеллекта, а лишь потому, что, «какая бы власть ни была, нам, крестьянам, пахать». В то же время крестьянин стоек и жертвенен. Отражение иностранных нашествий, слава побед русского оружия достигнуты благодаря мобилизации и характеру человека земли. В отечественной истории крестьянский слой выступает в форме громадного общественного резерва, «спящего великана», мерное дыхание которого обеспечивает спокойное и ровное развитие государственности, высокой культуры, образования и других институтов.

«Голь на выдумку хитра». Скудость ресурсов приводит к раскрепощению тех внутренних способностей и смекалок, которые в прочих условиях, в обстановке достатка и сытости оставались бы пассивными, не выявленными. Люди из народа — капитан Тушин и Платон Каратаев, герои литературной эпопеи «Война и мир» Л. Н. Толстого, крестьяне в поэзии Н. А. Некрасова, самобытные герои лесковских рассказов — являют как раз такую, скорую на выдумку бедноту с богатыми талантами и воображением, с плутовской искоркой под наружностью простоты.

Крестьянин — хрестьянин — христианин. В само происхождение слова, кажется, вложена идея о коренном родстве земледельческого труда с целями православной жизни. Строй религиозного сознания крестьянина определяется общими свойствами характера: трудовой и бытовой

Avena sativa

Наше поведение атомизировано, общество разделено перегородками, раздирается партиями, испытывает дефицит взаимопонимания и взаимопомощи. Таков мир искусственных форм, отрешенный от объединяющей силы земли.

Avena sativa

*Pisum
ensifolium*

Важно не закрыться, допустить возможность других путей устройства жизни, свободных от навязчивых идей прибыли и удовольствия.

христиане должны будут выйти из городов, и притом так спешно и решительно, что бегство это напомнит бегство Лота: *и кто в городе, выходи из него; и кто в окрестностях, не входи в него* (Лк 21:21). Подобным образом, по свидетельству историка Евсевия, первая христианская община в Иерусалиме оставила город, перейдя в горы за Иордан, и благодаря этому не пострадала при разорении Иерусалима римлянами.

Настоящее

Связь человека с землей не разорвана. Если не в виде социологической категории крестьянства, то, по крайней мере, в виде отдельных подходов и признаков элементы аграрного сознания по-прежнему сохраняются.

Несмотря на испытания советского времени, крестьянство выживает; в личном подсобном хозяйстве удерживается барьер, ограждающий деревню от окончательного раскрестьянивания. Дачные поселения служат отдушиной для бывших деревенских людей, для которых близость к земле всегда была чем-то глубоко важным. Сезонная миграция между городом и деревней, при которой в теплый сезон старые дедовские срубы заполняются молодежью и детьми из центров, была и остается частью российской действительности. Обеспокоенные продовольственным обеспечением, семьи предпринимают элементарные шаги для производства и сбора продуктов на зимние месяцы. В периоды неурядиц роль аграрного сознания повышается. В 1990-е годы подсобные хозяйства и дачи кормили горожан. Нынешний кризис, вполне вероятно, снова снизит уровень урбанизированности жизни.

В науке созревает поворот в сторону большей природосообразности. Новые подходы к ведению сельского хозяйства вместо обильного применения химических средств опираются на органические факторы увеличения плодородия и борьбы с вредителями, улучшенная сортовая база растений и плодовых деревьев дает хорошие возможности получать высокие урожаи, хозяйственный инвентарь и малая механизация снижают трудоемкость операций. В концепции агрогородков соединяются естественность условий с удобством жилищ современных земледельцев, активно используются источники возобновляемой, «зеленой» энергии. Продукты с пометками «Эко» и «Органик» имеют предпочтение у покупателей. Аграрная культура преобразуется, из символа архаики она становится областью открытий и проб, символом обновления зашедшей в тупик, стагнирующей городской цивилизации, местом сбора людей с нестандартным мышлением и альтернативным образом жизни для энтузиастов.

Важно не закрыться, допустить возможность других путей устройства жизни, свободных от навязчивых идей прибыли и удовольствия. В какой среде будут расти наши дети, и станут ли они, подобно многим современным детям, управлять компьютером раньше, чем познают разнообразие Божьего мира, — это нам решать самим. Красота, как известно, находится в глазах смотрящего. ☿

Алексей Щукин

аскезой, нелюбовью к абстракциям, ощущением живого космоса. Крестьянская вера не лишена недостатков — суеверий и мистификаций, известного практицизма, желающего извлечь хозяйственную пользу из обрядов. «Простая душа наивна и доверчива, — пишет философ Иван Ильин, — может быть, именно потому она легковерна и суеверна, и верит, где не надо, но зато самый дар веры у нее не отнят, а потому она верит и там, где надо».

Церковность и вера сегодня, после десятилетий насильственного вычеркивания из народной жизни, с трудом возвращаются на село; в основном, это удел городского круга. Однако Евангелие свидетельствует о будущем удивительную и плохо вмещающую пока вещь:

Зачем вы вернулись на землю?

На этот вопрос мы попросили ответить тех людей, интерес которых к жизни вне мегаполиса вылился в конкретные идеи и проекты.

Фото lavkalavka.com

Борис Акимов,
учредитель фермерского кооператива LavkaLavka, г. Москва

Чтобы начать новую жизнь

Свой бизнес Борис Акимов и его друг Алексей Михайлов начали как хобби — из любви к русской кухне и натуральной еде. В 2009 году они занялись поиском фермерских хозяйств, чтобы покупать натуральные продукты для себя и своих семей. Со временем, знакомясь с фермерами и их жизнью, Борис и Алексей решили, что производителям экологически чистых продуктов в нашей стране нужно помочь развиваться. И сегодня их фермерский кооператив объединяет около 150 фермерских хозяйств.

Мне кажется, что у каждого человека должно быть ощущение собственного пространства, а в деревне ты можешь выйти на просторы и почувствовать, что все это твое. Здесь жизнь течет размеренно, без нагромождения лишних обстоятельств, твои дети не спрашивают разрешения, чтобы выйти из дома, а гуляют по траве, идут в лес, дышат чистым воздухом, видят, как течет время и как оно влияет на всю природу, которая то засыпает, то просыпается.

Конечно, верующий человек может жить в любых условиях — хоть в тюрьме, хоть в лагере, а тем более в городе — и не терять своей веры, отношений с Богом. Мы знаем множество примеров, когда люди через разные обстоятельства пронесли свою веру и только укреплялись в ней. Но все-таки ощущение земли, почвы, природы вокруг тебя способствует тому, чтобы больше времени оставалось на мысли о самом главном — о том, как провести земную жизнь, чтоб достойно уйти в жизнь вечную.

Фермеры, с которыми мы общались, были настолько волевыми людьми! Чаще всего они покинули большой город, чтобы начать новую жизнь, более естественную и спокойную.

Сначала нам непросто было их отыскать — казалось даже, что таких людей вообще нет, поэтому, когда мы их все-таки находили, радовались

им, как иголке в стоге сена! Но со временем оказалось, что фермеров в России не так уж и мало, и многие из них стали обращаться к нам сами. Тогда стало понятно, что наш бизнес может стать «промоутером» верной общественной позиции. Захотелось сделать так, чтобы люди узнали, что своими покупками они не только вкладываются в собственное здоровье и удовольствие, но и помогают конкретным семьям развивать свое хозяйство, и вообще — что жизнь в провинции возможна.

Мы проникались этой жизнью, деревенской, фермерской, позитивом этих людей, мы собственными глазами увидели огромные пустующие территории и поняли, что их освоение — вещь архиважная. А фермеры стали для нас примером не только личного подвига, но и того, каким образом эти земли могут быть благоустроены. Я обзавелся и собственным хозяйством и готовлюсь через год-другой переехать в деревню под Переславлем вместе с семьей. Уже присматриваюсь и к местным школам — их довольно много в городе, в 15 минутах езды от деревни. Есть бытовые сложности, например, дороги в деревне практически непроезжие, и кроме меня их вряд ли кто-то построит. Но я считаю, что стоит напрячь свои силы для того, чтобы жизнь пошла совершенно иначе — более естественно, приятно и счастливо.